

НАТАЛИЯ
КОЧЕЛАЕВА

емейные тайны

НЕВЕСТА
БЕЗ МЕСТА

Это был не сон — это было плавание
в тумане, когда не видно берега,
когда серая гладь воды и неба
сливаются в одно целое.

Наталия Кочелаева
Невеста без места

«Центрполиграф»

2008

Кочелаева Н.

Невеста без места / Н. Кочелаева — «Центрполиграф», 2008

Две половинки одного старинного кольца хранятся за тысячи километров друг от друга, в благополучной Швейцарии и забытой Богом российской провинции. Алексей, богатый швейцарский бизнесмен русского происхождения, получив в наследство половину кольца с романтической историей в придачу, решает отыскать русскую владелицу другой половины, чтобы жениться на ней.

© Кочелаева Н., 2008

© Центрполиграф, 2008

Содержание

ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	10
ГЛАВА 3	17
ГЛАВА 4	22
ГЛАВА 5	28
ГЛАВА 6	30
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Наталия Кочелаева

Невеста без места

ГЛАВА 1

Это был не сон – это было плавание в тумане, когда не видно берега, когда серая гладь воды и горизонта сливаются в одно целое, когда воздух так насыщен влагой, что все равно уже, вдохнуть его или впустить в легкие глоток воды, когда удивительное, блаженное равнодушие снисходит в душу, руки и ноги становятся мягкими, ватными и несется куда-то сквозь серую паволоку обморочная душа...

– *Холодный берег*, – сказала во сне Вероника.

«Вставать пора! Вставать пора! Семь утра! Вставать пора!»

Голос, выквакивающий эти веселые слова, сам веселым не был. Мерзкий механический голос с китайским акцентом. Хотя бог его знает, какой акцент у этих китайцев, живьем их никто не видел. Вьетнамцев на рынке полно, а вот китайцев – нет. Говорящий будильник «мейд ин Чайна» Веронике подарили друзья на прошлый день рождения. Сначала это показалось забавным. Женский голос выговаривал русские слова правильно, но звучали они нелепо. Сразу чувствовалось, что обладательница голоса не понимает смысла произносимых слов, просто механически повторяет чужие звуки. Еще в дурацком будильнике жили петушок, кричавший свое китайское «кукареку», китайская кукушка и китайские же незамысловатые фарфоровые мелодийки. Но Веронике угораздило уронить будильник, отчего в нем что-то испортилось и остался только механический голос. Время, впрочем, он объявлял исправно. Вот только было ли это достоинством?

Ох ты, как тяжело подниматься, когда за окнами такая темень и холод, и ветер кидает снежинки в окно – горстями, злобно так кидает и посвистывает... А нужно одеваться, и тащиться через сугробы к автобусу, и трястись в нем восемь остановок, и выставить «точку», и целый день на ногах, на сквозняке, а потом проделывать все эти действия в обратном порядке! Но завтра у Вероники выходной, в автобусе трястись будет сменщица, а она останется в постели – спать до полудня. После займется постирушкой да состряпает что-нибудь долгоиграющее, вроде плова, чтобы несколько дней завтракать и ужинать разогретым, а в награду себе за хорошее поведение съест припасенное накануне пирожное, посмотрит кино по телевизору и ляжет спать пораньше... Хорошо!

Вероника чистила зубы, умывалась, причесывалась, мысли же текли своим чередом. Вот только плохо то, что завтра еще придется ехать к бабушке. Зачем? Затем, что у нее валенки есть. Зимняя погода установилась только к середине декабря, снег толком так и не выпал, но уж подморозило – только держись! Сегодня Вероника еще как-нибудь простоит в сапогах, но в последний раз. Вот и валенки пригодились, выходит, правильно их бабуля хранила. Не слушала внучку, когда та забежала в гости и зудела: зачем весь этот хлам на антресолях хранишь, только моль от них да пылица, фу! Упрямая старуха только губы поджимала. Непривычна была раскидываться добром.

– Вот погоди – меня выбросишь, тогда и все выбрасывай, – отвечала внучке заученно. – Да не бухти! Глядишь, и сгодится... Мало ли куда жизнь забросит, как судьба повернется...

Бабуля Вероника, Вероника Андреевна, в честь которой и назвали внучку, знала, о чем говорит. У нее за строгими плечами и не по-старчески прямой спиной махрился и сурово серел плат, изношенный за долгие, многие годы, десять из которых она провела в Сибири, вместе с мужем. Сразу после войны и посадили. Зачем в плену был? Зачем не сражался с врагом до последней капли крови? А как ему было сражаться, если состоял дед в строительных

войсках, и погнали их восстанавливать мост, а оружия не дали? Много ли навоюешь одной лопатой? Виноват, стало быть, что не погиб в плену. Так чего ж? Но ничего, потом оправдали, выпустили, дали хорошую квартиру. Оно и в Сибири можно было жить... Но холодно очень, а сама Вероника Андреевна из Астрахани родом, к холодам не привыкла, вот и напугалась на всю жизнь...

Тогда блестящая девочка Вероника, приезжавшая навестить бабушку, и думать не могла, что когда-нибудь понадобятся ей валенки и пуховая шаль, бережно хранимая в пятилитровой стеклянной банке – от моли, и не думала она, что будет покупать крем «Румяные щечки» – да что бы вы знали о щечках! Румяными они делаются, если легкой походкой продефилировать от лимузина до бутика, а от долгого стояния на ледяном сквозняке щечки (и нос тоже!) делаются иссиня-багровыми! Тогда еще не знала об этом Вероника. Тогда впереди была изумительная, прекрасная жизнь, наполненная цветами, и синими реками, и музыкой, и всевозможной романтикой, и новые платья в ней были, и косметика «Ланком», а не «Румяные щечки» фабрики «Новая заря», и мама была жива, и отец не получил седины в бороду, а беса, соответственно, в ребро!

Но что делать? Делать нечего. Что мы имеем, то мы имеем, как говаривал предатель Данила. Нужно одеваться и тащиться на рынок – зарабатывать хлеб насущный. Колготки теплые, носки шерстяные. Штаны простеганные, на байке. Шерстяной свитер – полинявший, зато теплый и родной! Пуховый платок взять с собой, уже на «точке» тщательно обернуть поясицу. Отвратительный зелено-лиловый пуховик. Шарф. Шапка у Вероники редкостная, сочетает удобство, тепло и красоту – ушанка на кроличьем меху. Самые стильные девчонки в таких ходят! Холодно – опусти уши, тепло – подними! Милое дело. Вероника оглядела себя в зеркале и привычно расстроилась. Во-первых, потому, что она такая туша – незаметно под столом бесформенных одежд девичьей фигуры, хоть ты реви! Во-вторых, потому, что сглупила – оделась прежде, чем обулась, теперь тяжело будет нагибаться, втискивая шерстяные лапы в сапоги. Все же справилась и с этим, кряхтя и потея. На часы взглянула – мама дорогая! Да ей же пора бежать впереди собственного визга!

А вот не копалась бы, не размышляла бы за чаем, а потом перед зеркалом в ванной – может, и удалось бы сесть в автобусе. Тут как угадаешь. Слишком рано выходить нельзя – на базар селяне едут. Раньше их колхозниками называли и теперь иногда называют по старой привычке. Селяне везут свою снедь, что ими от трудов своих кропотливых на продажу приготовлено. Едут они до той же остановки, что и Вероника, но торгуют не в рынке, где надо деньги за места платить, а около. Там тоже надо платить, но какое же сравнение! Прямо на земле расставляют картонные коробки да всяческие жалкие приспособления для более или менее удобной торговли. Но мысленно Вероника называла их товары уважительно – дарами. Да и можно ли назвать иначе, скажем, темно-рудые свекольные горки и розовые горки картошки лучшего сорта «саратовский рубин». Или загадочные банки с маринованными огурцами и восклицательным знаком перевернутого вверх тормашками зонтика укропа. Или соленые, даже на вид поскрипывающие и, словно бы на стол просятся, подходящие, ладные-годные к любому застолью груздочки. Или связку звонко замороженных искристых судаков, от которых, как гордо заметила одна из торговек, «и душа и уха радуются»... Неосознанно Вероника радовалась дарам. Что-то земное, мудрое, глубокое и корневое заключалось в этой немудреной снеди. Даже в горьких, сиротских гроздьях калины. Даже в медовом разломе громадной тыквы, только что, кажется, примчавшейся с волшебного бала...

Селяне рано едут, им надо успеть места занять – конкуренция жесткая. Теперь вторая волна пошла – служащие и свои, товарки. Вот в промежуток попасть бы, тогда можно было бы рассчитывать и на сиденье.

– Женщина, что вы раскорячились в дверях! Проходите дальше в салон!

– Да куда я пройду, там некуда проходить...

– Что ж я, не вижу? Вон сколько места свободного, а все в дверях толпятся! Кому не прям сейчас выходить – подвиньтесь подальше! Девушка в зеленой дубленке, я и к вам тоже обращаюсь!

Та, в зеленой дубленке, и ухом не ведет. Ей, к слову, под сорок, однако вредная кондукторша ее «девушкой» назвала. А ее, Веронику, – в женщины записала! Это потому, что одета она так, по-теткински. И правда – копна. От обиды внезапно защипало в носу и в глазах стало туманно, как в давешнем сне (но ведь и что-то хорошее там было, припомнить бы). Чуть не упустила свое счастье – с сиденья рядом поднялась изящная дама в норковом полушубке. Все же удалось проскользнуть на ее место, обскакав ту, в зеленой дубленке. Немного утешилась, надышала на оконном стекле проталинку, стала смотреть. И смотреть-то особенно не на что, а все же развлечение, и мысли не так донимают... Вот проехали мимо жиденького парка, куда летом аттракционы и зверинец привозят. Деревья со снежком на ветках, в кронах – грачиные гнезда брошенные. У ограды елочный базар открывают – «Гринписа» на вас нет! Постоим на светофоре... Внимание, товарищи! Проезжаем историческое место! Именно здесь еще совсем недавно трудилась на ниве глянцевої журналистики уже знакомая вам Вероника Юрьевна Солодкова, которая теперь ударно работает в сфере торговли! А как же это получилось? Об этом позже, мои дорогие, позже. Сейчас не надо ничего вспоминать. Маму, отца, Даньку-изменника, шефа-негодая, ничего этого вспоминать не надо. Стоит думать о хорошем, о том, что завтра выходной, о том, что разносчица около полудня принесет обед, о том, что последние дни выручка выходила неплохая, значит, можно будет купить себе в подарок к Новому году тот пушистый голубой свитер! И вообще – скоро Новый год, а там весна, и любимая с детской поры, когда варежки еще на резиночке держались, подружка-капель, и все наверняка изменится! Веронику недаром с детства не Никой – Верой сокращенно называли. Верила она во все хорошее.

– Сенной рынок!

Хорошо, что кондукторша объявила, иначе Вера бы свою остановку проехала, это точно. Сенной рынок – серое, горбатое здание, на спящего бегемота похожее. В нем два этажа и очень сложная иерархия. Второй этаж презирует первый. Первый завидует второму и презирует уличную торговлю. За три месяца Вера проделала серьезный путь – но не вверх, а вниз. Начинала она на втором, престижном этаже, в отделе «Все для ванной». Так уж прямо и все! Ванны, душевые кабины, смесители, прочие сверкающие прибаамбасы, и тепло, и все залито ярким светом, и пахнет свежестью. Это аэрозоль такая, «Морской бриз», а то по соседству армянское кафе, оттуда вечно жареным несет. Там Вероника ходила в форменной синей юбке, в белой блузке с синим галстучком, на тонких каблучках и знать не знала, что бывают на свете такие ужасные стеганые штаны на байковой подкладке! И еще чем-то недовольна была, надо же! Но на первый этаж пришлось спуститься не из-за своего недовольства, а из-за недовольства хозяина. Она очень старалась, выучила наизусть глянцевые проспекты, косноязычно повествующие о достоинствах той или иной душевой кабины... Но, как выяснилось, учить нужно было скучные серые прайсы с длинными рядами цифр! Пару раз она ошибалась – не в свою пользу, но это удавалось скрывать, поправлять из собственного кармана. И что самое обидное – понижили (в буквальном смысле) ее за чужой промах. Отделом руководила племянница хозяина. Это только так говорилось, что руководила, руководить она ничем не могла. Девушка Лена была патологически ленива и ничем в жизни не интересовалась, кроме собственной внешности. Но это у нее получалось хорошо, так хорошо, что ни один мужчина, вошедший в отдел «Все для ванной», не оставлял ее без внимания. Как-то, увлекшись любовной перестрелкой с матерым снайпером, Леночка «зевнула» дорогуший смеситель. Черт его знает, чего он был дорогой такой, платиновый, что ли? Выкладывать такие деньги Леночка не желала и свалила все на известную растяпу Солодкову. А что такого? Она так или иначе проштрафится, а ей, Леночке, нельзя ронять своего авторитета перед подчиненными. К тому же где находилась

Солодкова, пока ее начальница занимала покупателя беседой? В туалет пошла? А ей нужно было быть на рабочем месте, следить за товаром...

Веронику перевели на первый этаж. Там тоже «точка» была неплохая. Называлась уже не «Все для ванной», а «Товары для ванной». Труба пониже, дым поуже, платиновых смесителей не наблюдалось, форменных синих юбочек и галстучков никто не носил, но тепло, светло и под крышей. На той «точке» торговля шла вяло, не шла, а так, с ноги на ногу переминалась. Сенной рынок не уместился в пределах здания, выходил из берегов, выплескивался за видимые и невидимые пределы; на улице стояли крытые ряды, в них торговали примерно тем же хламом, только дешевле, народ тянулся туда. В результате через месяц после появления Вероники в «Товарах для ванной» магазинчик был прикрыт и расформирован. Но Вера не уволили, гуманисты несчастные! Перевели на лоток. Почти на улицу – в дверях рынка, в тамбурчик между двумя дверями. Она уже два месяца там стоит, на лотке без названия, и торгует опять же принадлежностями для ванной, на этот раз совсем бросовыми. Пробки, мыльницы и дозаторы для жидкого мыла, подставки для зубных щеток, прищепки для белья и бельевые же веревки. Синтетические, веселеньких расцветок. Зеленые, сиреневые, розовые. И вот уже с месяц Вера рассматривает их с особым интересом.

Вот уже с месяц как ее состояние можно обрисовать незамысловатой идиотской идиомой «хоть в петлю полезай». И это не из-за проклятого безымянного лотка. Хотя и из-за него тоже. Если бы ее уволили! Она могла бы найти себе работу по специальности. Пусть бы там мало платили, пусть бы гоняли, Вероника бы только радовалась да благодарила. Все лучше, чем на рынке стоять! Но ее не выгнали, пожалели. А самой уйти – страшно. А ну как ничего не найдешь? И что тогда? Отцу кланяться? У бабушки из пенсии занимать? Да тьфу на них, на деньги эти! Самое главное – Данилка. Данилка, что ж ты так насвинячил? Возвращается Вероника с работы, еще вафельный тортик «Причуда» в тот день купила, хороший, свежий такой! А возлюбленного дома нет, и вещей его нет, и денег тоже нет. Даже записки не оставил. В старинной серебряной чайнице были отложены с трудом накопленные двести долларов. А теперь и самой чайницы нет, а она была мамина! Куприянов, бессовестный, даже утюг унес! Утюг он, правда, сам покупал, на свои деньги... Но разве дело в этом?

Но первое время она его бессовестным не называла. Была уверена – что-то случилось, Куприянов не просто так исчез. Мало ли что в жизни бывает? Может быть, ему пришлось срочно выручать друга из беды, или его отцу стало хуже и он снова попал в больницу, или... Вероника взяла отгулы и два дня просидела дома. Моталась по комнатам, слушала музыку, тихонько плакала, смотрела в окно. К вечеру третьего дня пришла в себя. «Хватит мечтать, знаешь, хватит мечтать», – спел ей с диска любимый Паша Кашин. Хватит мечтать, хватит строить воздушные замки и изводить себя дурацкими фантазиями. Друзей у Данилы не было. Были подружки, но вряд ли он кинулся бы выручать кого-нибудь из них. Родители Данилы, по непроверенным сведениям, жили в далеком, полухтоническом¹ Ленинском районе, Вера с ними знакома не была и точного адреса не знала. Коллега-продавщица Ирка, с которой Вероника поделилась пережитыми страданиями, хмыкнула и сказала:

– Да ладно тебе, вот, блин, убивается! Свалил сожитель, движимое имущество с собой прихватил, с кем не бывает! Тоже мне, невеста без места! Не бери в голову, бери в... – и конец соленой поговорки прошептала Вере на ухо. Остра на язык и мудра была Ирка, хотя и не заканчивала филологического факультета университета, а напротив – два курса института механизации сельского хозяйства! С ней вот никогда бы такого не случилось, она жила с Таширом, который хоть и мог под горячую руку ей глаз подбить, но любил, и подарки дарил, и обеспечивал! Иришка могла бы и вовсе не работать, но продолжала торговать из любви к искусству. Да в таком павильончике что б не работать! Новехонький, деревянный, украшен красными

¹ Здесь – полумифическом, полуреальном. (Здесь и далее примеч. ред.)

бумажными зонтиками, и продается там не селедка, не прищепки, а благородный напиток – чай. Отличный чай в красивых банках, и развесной, дорогой, и заварочный, и чайники в китайских иероглифах, и чашечки, и миниатюрные слитки тростникового сахара, похожие на серые опалы... Ирка в красном кимоно, с золотым драконом во всю спину, блестящей лопаткой насыпает в пакетики душистые чайные смеси. И открываются они не с раннего утра, а с десяти часов, и покупатели часто подходят, помногу берут. На Руси никто еще чаем не подавился, верно подмечено!

– Вероник, ты чтой-то припозднилась? – крикнула соседка Тамара Тимофеевна, старая ехидна, торгующая напротив пластиковыми пакетами. – Проспала, что ль? Так ночью спать надо, а не чем другим заниматься!

– Ага, как же, – пробормотала Вера себе под нос. Тихонько, чтобы Тамара Тимофеевна не услышала. Хоть и кикимора она, а плохо быть с соседкой в ссоре. Поэтому огрызнулась тихонько, громко же произнесла с лстивым смешком: – Проспала, Тамара Тимофеевна! Ну ничего, завтра выходной, отосплюсь!

– Дело молодое, – согласилась соседка. Хрупкий мир был восстановлен, а лоток установлен. Начался рабочий день!

Вопреки мрачным предчувствиям, оказалось не так уж холодно. Вероника даже куртку расстегнула, сдвинула ушанку на затылок, зарозовелась. Торговля пошла бойко, народ уже начал покупать-запасать подарки к празднику. Какая-то девушка выбрала себе полный набор штукун для ванной – мыльницу, щетку, стакан, дозатор, еще какую-то дребедень. Все прозрачное, внутри плещется синий гель и плавают желтые уточки. Красота какая! Вера ловко поймала за шиворот черномазого мальчишку, который стянул и в рукав спрятал набор крючков для полотенец. Веселые были крючки, резвились на них толстенские русалки. Вероника отобрала набор у мальчишки.

– Зачем он тебе, скажи на милость? А? На вот тебе апельсин! Иди отсюда!

Но цыганенок не взял апельсин, только взглянул косо, зло, как укусил. И убежал. Красивый, яркий, солнечный плод остался лежать в ладони Вероники, обжигая ее оранжевым светом. На душе стало как-то кисло и горьковато, но потом это прошло.

ГЛАВА 2

Раньше все было по-другому. Была большая квартира – та самая, в которой Вероника живет сейчас одна, теперь даже уже без Данилы. Но раньше квартира выглядела иначе, потому что – дом. Главная в доме – разумеется, мама. Худая, высокая, с копной пепельных волос, умная, насмешливая. Вера Ивановна Солодкова, профессор русской литературы, предмет обожания студенток и дочерей. В ее комнате всегда царил беспорядок, состоявший из книг, нот, рукописей, пепельниц, чашек, косметики – но главным образом из книг. В ее комнате был ветер, и пепел, и розы в высоком стакане. Ветер, пепел, розы – в этом была вся мама, и все восхищались ею.

Был отец. Он зарабатывал деньги, покупал разные бесполезные вещи – например, шкаф в прихожую или золотые браслеты всем «своим дамам», как он галантно называл маму и двух дочек – старшую Веронику, младшую Викторину. И сам он тоже, как шкаф в прихожей, – большой, темный, вроде бы необходимый, но ужасно скучный.

И были две сестры – Вера-Вероника и Вика. Погодки. Обе хохотушки, круглолицые, кудрявые. Повзрослев, стали совсем разными. Вика выправилась в длинноногую роковую красавицу, Вера осталась миниатюрной, округлой, умильной, как плюшевый медведик. У Вики куча поклонников, зато у Веры – подружки, и акварель, и школа журналистики, и таксик Гекльберри, сокращенно – Гек. Таксика завела мама, но хозяйкой он признавал Веронику.

Над всем же царил предок. Предок был портретом на стене. В детстве девчонки его очень боялись, потому что он смотрел. Куда ни пойдешь, где ни сядешь, портрет смотрит. Еще предок жил в толстых коричневых книгах на полке. Книг было восемь, назывались они «Собрание сочинений», и на переплете была мамина фамилия. Предка звали Солодков Федор Ильич, и все эти книги он сам написал, давным-давно. Но книги были неинтересные, хотя читать их было удобно. Слева было написано, кто говорит, а справа – что говорит. Называется «пьеса». Но и пьесы были страшные, люди в них много и тяжело работали, проклинали свою судьбу и все собирались подниматься на какую-то борьбу. Мама говорила, раньше пьесы Солодкова ставили в театрах, но теперь времена не те. Только иногда по ностальгирующим каналам шли фильмы по пьесам предка, и фильмы тоже были унылые и безнадежные, черно-белые. Федор Ильич был маминым прадедом, но каким-то неправильным прадедом, братом ее родной прабабушки. О прабабушке Полине Ильиничне почти никто ничего не помнил, а вот предок-писатель был известен некогда всему миру, и сейчас еще отголоски его прошлого соцреалистического торжества доносились до потомков. В его честь сохранили фамилию мама и бабушка, но на Вере и Вике династия закончилась. Они носили фамилию отца – Мурашovy.

Устои мира пошатнулись, когда Вероника была на четвертом, Вика – на третьем курсе. Лето выдалось жарким, над городом плыло струящееся марево, и казалось, что тает асфальт. Заниматься невозможно было, а надо готовиться к сессии. Девочки сидели в мамином кабинете – единственное помещение с кондиционером! – и постепенно окружали себя книгами, тетрадями, кофейными чашками и фантиками от конфет. Утром мама проснулась в особо бодром и деятельном настроении, вдохновенно крутилась перед зеркалом, надела легкое белое платье, шляпку из итальянской соломы с зелеными розами, взяла зеленую сумочку и ушла. Ушла в университет проводить консультацию, обещала на обратном пути заскочить на базар, купить всегда прохладной сочной черешни, так что ее возвращения ждали с нетерпением. Она все не шла, не шла, мучительно вязли извилины в старославянских рунах. Наконец хлопнула дверь, но привычных быстрых шагов не послышалось.

– Мама? – Вероника первая почувствовала неладное, высунулась в коридор, невыносимо душный после кондиционированной комнаты. – Мам, ты что?

Вера Ивановна сидела на корточках, привалилась спиной к двери.

– Мне что-то нехорошо, – произнесла она с усилием. – Вышла из аудитории, в глазах потемнело, в голову вступило... Девчонки, я и черешни вам не купила...

– Черешня – ерунда, – стараясь, чтобы голос прозвучал беззаботно, откликнулась Вероника. – Викусь, ты что сидишь? Не видишь – мама совсем обессилела? Давай-ка проводим ее в кабинет!

Но даже в прохладной комнате, на старой, уютной кушетке маме легче не стало.

– Верунь, может, «скорую»? – Вика тоже растерялась, да и испугалась здорово.

– Это мысль. Давай набирай. Мам, может, воды?

– Да, – прошептала мать. – Да, не надо врачей! Просто перегрелась.

– А если тепловой удар? Или солнечный? Смотри, какая ты красная!

Вика побежала в прихожую звонить, Вера принесла маме стакан воды. Та приподнялась, приняла стакан, но вдруг глаза ее расширились, вода плеснула на грудь.

– Мам?

Вера Ивановна выронила стакан, ее лицо исказилось судорогой, и она упала на подушки.

– Мам? Вика! Мама потеряла сознание! Скажи им там, в «скорой», чтоб не мешкали, чтоб немедленно!

Остальное вспоминалось Веронике, как приснившийся кошмар – вскрикиваешь и не можешь, не можешь проснуться. Сестра дозвонилась в «скорую», врачи посоветовали положить лед на голову, дать понюхать нашатырь, растереть прохладной водой грудь.

Но мама так и не открывала глаза, а «скорая» все не ехала. Прошло добрых полчаса, прежде чем в дверь позвонили, и зареванная Вика побежала открывать. И вдруг Вероника почувствовала – какое облегчение! – пожатие маминой руки.

– Огонь, – сказала мама далеким голосом, *словно с Холодного берега окликнула дочь*. – Огонь, Вероника!

– Мамочка, врачи уже приехали! Тебе воды дать, да?

– Тебе, – ответила мать.

Фельдшер Терехова была расстроена и утомлена. Проклятое пекло, столько вызовов! Сердечники, гипертоники... Только что битый час провозилась на пляже с идиотом, который «для сугреву» откушал водочки и полез купаться. Сердечный приступ. Мужика удалось откачать, с того света вытащили дурака. Большая прохладная комната, соломенная шляпка с зелеными розами валяется на полу, отчаянно скулит и повизгивает невидимая собачонка. Две испуганные, заплаканные девушки, запах нашатыря, валерьянки, тревоги и надежды... Бессмысленно, безнадежно. Эта женщина, их мать, безнадежно мертва. Уже минут пятнадцать, как мертва. Ее мозг сгорел в этом пекле.

Когда Веру Ивановну хоронили, шел дождь. Он начался еще с ночи, ночным гостем вкрадчиво постучал в окна, а к полудню следующего дня – этого дня! – разошелся, заполнил своим серым голосом все обозримое пространство, со всех сторон надвинулся, и даже небо, размытое и растушеванное, походило на огромный намокший плащ, из которого сочится вода. Обложной! Городские деревья словно забыли, что им нужно радоваться дождику, словно не поверили в него и понуро опустили мокрые темно-зеленые, а кое-где уже тронутые знойной ржавчиной ветви – еще ниже, еще тяжелее. Кладбищенская ограда выглядела, как ни странно, ярче всего остального, она отмылась наконец от бесцветного слоя пыли, и ее траурный тон, ее молчаливый орнамент о многом говорил вдруг осиротевшим сестрам. Хотелось плакать, хотелось выть и кататься по сырой, липкой земле, на которой только что приютился сбитый порывистым дыханием ветра дубовый лист, на которой уже нет и никогда не будет мамы... «Будь крепкой, как дубок!» – вспомнила почему-то Вера нищего, которого они когда-то встретили с мамой; благодарно принимая монету из рук девочки, он все крестился и повторял: «Будь крепкой, как дубок!..»

В день маминых похорон детство Веры кончилось. Она стала Вероникой, теперь уже навсегда.

Нужно было жить, нужно было хоть как-то досдать сессию, скоротать летние мучительно тянущиеся месяцы (а ведь как быстро пролетали раньше!) и снова ходить в университет, читать книги, общаться с людьми – делать дело. В августе отец купил две путевки в Египет – девочкам нужно отвлечься, развлекаться.

Самолет очень долго летел над бескрайним Каиром. Вера то задремывала, то просыпалась и неизменно видела прильнувшую к иллюминатору Вику, а за иллюминатором – миллиарды светлячков. При иных обстоятельствах Вероника, которая умела и любила живо представить себе что-либо доселе ею не виданное, уже давно была бы мысленно где-то там, внизу, на песчаных просторах Сахаро-Аравийской плиты. Великое песчаное море колыхнется ли под ее ногами, озвучивают ли непроглядную южную ночь журчащие о чем-то вечном цикады, баснословные оазисы ли расцветают, подобно павлиньему хвосту, пред ее очи, светятся ли сквозь вековые толщи красноморской воды волшебные коралловые царства, разводит ли земледельц-феллах, одетый в фетровую ермолку, огонь в большой плоской печи, чтобы угостить Веру кашей из проса, да бобами, да разогретым в глиняном горшке кислым молоком с финиками... Она бы обязательно расспросила феллаха о том, как действует шадуф – похожее на нашего «журавля» древнейшее устройство для орошения полей нильской мутной водой, пережившее эпоху фараонов. Недаром же она, умная Маша, прочла книжку о Египте! При иных обстоятельствах... Сейчас у Веры не осталось ни желания, ни сил думать о чем-либо, кроме одного: «Когда же посадка?»

Наконец-то попросили пристегнуть ремни, снижение, при котором закладывает уши, посадка. Самолет уже на земле, а такое ощущение, что все еще летишь и этому полету не будет конца. В Каире – ночь, но на улицах бешеное движение. Гуляющие, автомобили, повозки, ослики, верблюды...

– Веруша, какой шикарный отель! – визжала Вика, перекатываясь по бескрайней кровати. – А видела того брюнета в холле? Как он на меня посмотрел?

– Это портье, Викуль. Давай спать, а? У меня все тело как ватой набито!

– Ну-у, с ума сошла? Первую ночь в Египте – спать? Пойдем погуляем!

– По-моему, это ты спятила.

– Да мы недалеко, мы ненадолго. От отеля не будем отходить, пройдем тудэм-судэм по улице и вернемся. Ты подумай, если бы мама сюда с нами приехала, она бы завалилась спать? Мы только пройдемся и выпьем где-нибудь кофе, вот и все!

– Кофе на ночь? – пробормотала Вероника, но подчинилась мягкому напору сестры.

– Я чувствую: нам обязательно нужно прогуляться! – курлыкала Вика, вприпрыжку следуя по холлу. – Это будет судьбоносный вояж! Вояж, воя-аж...

– Страшно подумать, – кивала Вера.

Кофейня нашлась неподалеку от «Шератона» – крошечное заведение, выложенное белым кафелем и залитое непривычно ярким светом. Сестры, смущаясь и посмеиваясь, уселись на выставленные прямо на тротуар стулья, огляделись и сделали два занятных наблюдения. Во-первых, они оказались единственными женщинами в этом кафе. А во-вторых, все смотрели на них. Все до одного. В ярком свете люминесцентных ламп под взглядами смуглых мужчин сидели две девушки в белых шортах, белых топиках, а за спинами у них была густая, черная, беспокойная каирская ночь.

– Простите меня за вмешательство...

Высокий парень, очень коротко стриженный, говорил по-английски с сильным немецким акцентом. Вера сначала почти не понимала его, Виктория же сразу вступила в разговор. Парень представился. Карл Райтигер, так его звали, оказался гражданином Германии.

– Девочки, вы забыли, что Египет – мусульманская страна. Женщины в такие заведения не ходят. Так что позвольте мне хотя бы сопровождать вас... На правах соседа – я видел, как вы въезжали в «Шератон», я тоже там живу...

– С удовольствием, – хором согласились сестры.

Карл заказал яблочный кальян и по стакану холодного кофе. От кальяна Вероника отказалась, а вот Вика приложилась, вдохнула в себя ароматный дым, закашлялась, упала лицом в ладони. Карл смеялся, все смеялись, и так хорошо стало вдруг на душе, так легко, что вся будущая жизнь показалась смешной и легкой. Карл рассказал о себе – он, оказывается, был футболистом бундес-лиги, играл в команде «Гамбург». Команда пробилась в полуфинал Кубка Германии, но, отличаясь «неровной игрой», как с профессиональной серьезностью признался Райтигер, уступила более именитому сопернику и вылетела из турнира. Теперь Карл решил чуть-чуть отдохнуть, пошляться по миру и залетел в Египет.

– Теперь мне кажется, это было решение судьбы, – очень деловито произнес футболист, выразительно взглянув на сестер. Вера с большим интересом принялась рассматривать коричневую кашицу на дне чашки, Вика, казалось, не расслышала этих слов, залюбовавшись крохотным мохноногим осликом, семенящим по мостовой.

Долго прощались в холле отеля, договорились завтра ехать вместе в Гизу, к пирамидам.

Они видели пирамиды Хеопса, Хефрена, Микерина и Джосера, они посетили древний Каирский музей и некрополь Саккара, они, замерев, стояли перед Сфинксом и разевали рты у Солнечной ладьи. Они покупали на базаре в Луксоре серебряные и бирюзовые побрякушки, нубийские музыкальные инструменты, те, что издают лишь одну ноту, деревянные фигурки, расшитые туфли и пестрые шали, а Карл подарил девушкам по золотой подвеске – таинственные скарабеи теперь украшали их шеи. В ресторане «Нагиб Бафут», оголодав после долгой прогулки, они налегали на фаршированные баклажаны «бетинган», бараньи котлеты «кюфта» и медово-миндальную пахлаву, особенно поразившую воображение Виктории.

– Он тебе нравится? Нет, скажи, он тебе нравится? – допытывалась Вика у Вероники ночью, в прохладном номере, под неумолчные трели каких-то насекомых и неутихающий гул каирской улицы, в котором угадывалось что-то от гула отдаленной водяной мельницы.

– Он довольно милый, если хочешь знать мое мнение, – равнодушно, позевывая, отвечала Вера. – Немного ограниченный, правда. Футболист, что ж теперь... К тому же его английский оставляет желать лучшего. Как и наш, надо отметить...

– По-моему, не надо знать языков, чтобы понять, нравится тебе человек или нет! – неизвестно отчего рассердилась Вика. – Все, я сплю!

Некоторое время она сердито сопела, потом задышала ровно. Но Вера не спала. Хотелось не то плакать, не то пить. Решив, что плакать сейчас не стоит, Вероника тихонько встала и пошлепала к бару. Выпьет холодной колы, посидит на балконе... И сможет заснуть, а утром, пожалуйста, все опять будет легко и просто!

Уселась с ногами в кресле. С балкона открывался вид на расцвеченный огнями и легендами Нил, показавшийся ей чем-то похожим на родную Волгу во время ночного фейерверка (однажды она, школьница еще, танцевала до полуночи на танцплощадке катамарана), кока-кола была вкусная и холодная, кресло удобное. Но беспокойство не проходило. Где-то в потаенной глубине сознания назревало нечто, в чем Вероника не желала признаваться ни сестре, ни даже самой себе. Была бы жива мама – ей бы она сказала, на ушко, как чистую детскую тайну, что этот смешной в своей обстоятельности, этот белобрысый немецкий футболист, этот голубоглазый Карлхен нравится ей. А вот как он к ней относится – это вопрос. Разумеется, он очень мил и галантен. Но не более.

Она почти задремала в кресле, поставив банку из-под шипящего питья на пол, но что-то заставило ее медленно открыть глаза. Кто-то постучал?

Действительно, в дверь стучали. Очень деликатно стучали, тихонько. Вера открыла – вот и упомянутый Карлхен! Сердце забилося сильнее. Неужели он пришел пригласить ее на ночную прогулку? Ночная прогулка для них двоих, под каирскими звездами...

– Вероника, я хочу пригласить вас прогуляться со мной. У меня есть к вам разговор... Простите мое полуночное вторжение и мои смелые надежды...

Отмахнувшись от извинений, Вероника оставила новоявленного поклонника в коридоре, сама кинулась обратно в номер. Что бы такое надеть? Брюки отпадают, шорты тоже. Белое платье и шаль на голову. «Жаль, ночь, нельзя надеть темные очки. Тогда я бы встретила его объяснение так: в профиль, темные очки закрывают пол-лица, он говорит «я люблю вас», пауза длится, мое лицо непроницаемо, по нему ничего нельзя понять, но вот рука поднимается, я снимаю очки, мои глаза полны счастливых слез... Или так – впрочем, довольно фантазий, он там, за порогом, он ждет меня...»

– Ты куда? – сонно спросила Вика.

Вероника замерла, ожидая, что сестрица неумная сейчас проснется и ей придется что-то объяснять, а объяснить она не сможет, и Виктория наверняка увяжется за ними, а сегодня среда, а в субботу им уже улетать! Но Вика снова ровно засопела, и Вера всунула ноги в белые легкие туфли-балетки. Вперед, на авантюрное свидание, к романтическому объяснению!

В крошечном ресторане, за стаканом ледяного огненно-красного каркаде, под млеющие, тающие звуки восточной музыки, Карл объяснился Веронике в своих чувствах. В чувствах нежных, возвышенных, пламенных и серьезных. Вот только устремлены они были не к ней, Вере, а к Виктории.

– У меня очень серьезные намерения, – пояснял Карл, коверкая английский более обычного, так что Вероника почти уже его и не понимала, а и не хотела понимать! – Я одинокий человек, мои родители живут в другом городе, они разведены, к сожалению, у них другие семьи, дети... У меня дом, машина, у меня есть сбережения, но нет девушки. Это очень трудно – найти себе девушку на которой хотелось бы жениться, но когда я увидел твою сестру и тебя... Рядом с вами мне так легко, так комфортабельно...

Тут он спутался и смутился. Пока Карл собирал в кучу расплзшиеся английские слова, Вера рассматривала его с откровенной печалью. «Твою сестру и тебя»! Но почему все же Виктория, а не Вероника? Просто потому, что она красивее? Ну и где же логика? Да, Вика красивее, она смелая, у нее всегда была куча воздыхателей, она могла бы получить кого угодно, кого пожелает, – но почему именно этого футболиста, коротко стриженного, улыбчивого, с детскими голубыми глазами? Если бы Вики не было рядом, он наверняка влюбился бы в нее, в Веру! Он ведь только что признался, что ему рядом с ней «легко и комфортабельно»! Обида душила, подступала к глазам горячими каплями, но Веронике удалось взять себя в руки.

– Карл, не расстраивайся так. Я понимаю тебя. Скажи, я могла бы чем-то тебе помочь?

Он приободрился, заулыбался. Да, бери, бери все, что хочешь! Сердце, голову, ноги-руки, нервные клеточки, которые не восстанавливаются, жизнь, которая одна! Видишь ведь: девочка растерялась от обилия экзотики, оторопела от появления нового человека, непохожего на всех! Но ему нужна только дружеская поддержка, родственное участие. Что ж, возьми хотя бы это.

– Я хотел спросить тебя... Там, в России, у Виктории... есть... – и выдохнул: – ...бойфренд?

– Нет, – мотнула головой Вера. Обманула? Да нет. Кто их разберет, бойфрендов. Мальчишки то и дело крутились вокруг сестры, провожали ее домой, приглашали в кафе, на концерты, в клубы, но ни один из них особого внимания не удостоивался. – Нет, у нее нет.

– Я стыжусь, что не мог сам поговорить с ней... Поэтому обратился к тебе. Вам скоро уезжать... Как ты думаешь, могу я ей написать?

– Вполне. – Вероника вздохнула и украдкой потянулась. Вдруг навалилась усталость, суставы стали как ватные. – Но лучше все-таки поговори с ней сам. Ты ведь ей нравишься, я знаю.

– Правда? – Он схватил ее руку, смачно поцеловал – так, что она почувствовала костяной холодок его необычайно ровных, белых зубов. – Правда? Она тебе говорила?

– Иногда слова не нужны... Я догадалась. Давай вернемся в отель, а? Мне ужасно спать хочется.

– Конечно! Какой сегодня счастливый вечер, правда, Вероника?

Вера могла бы с ним поспорить, но не стала.

– А я-то уж размечталась! – вяло бормотала она, поднимаясь в номер. – Чуть не до первенца домечталась! Невеста без места!

От усталости уже даже на переживания сил не осталось. «Утро вечера мудренее», – решила про себя Вероника и завалилась спать, дав себе честное слово поговорить с сестрой за завтраком, вырвать из своего сердца ростки обиды, зависти и прочие сорные плевелы и весело провести оставшиеся дни каникул, что бы там ни случилось! Но горечь первого неудавшегося чувства, казалось, застыла у нее под языком и не давала уснуть, и Вере удалось соскользнуть в сон только на рассвете...

«Бессердечный манхаг», – подумала она перед тем, как заснуть, но не успела удивиться незнакомому слову на чужом языке.

А проснувшись, она сестру в номере не застала.

Они уже завтракали. Сидели за столом и смотрели друг на друга, отчаянно жуя что-то вкусненькое. Интересно, знают ли влюбленные, как смешны бывают в такие минуты? Стоять! Вон, сорные плевелы!

Собравшись с мыслями и силами, она отправилась в город – одна. И ей, чаще всего робкой и нерешительной, захотелось сделать что-то еще более дерзкое, идущее всем им наперекор – и немцу этому, будь он неладен, и сестрице. Она будто бы разом освободилась от тяжелого груза, расправила плечи и, хмелея от осознания собственной независимости и еще, наверное, от непривычно сухого, терпкого воздуха, решила посмотреть своими собственными глазами на старый город, о котором здесь, как и о самой длинной в мире реке, рассказывали легенды.

И вот, когда высотные дома, фешенебельные отели и магазины остались позади, на берегу Нила, она и оглянуться не успела, как очутилась во власти узких кривых улочек, то и дело грозящих сомкнуться, сжать тебя древними шелудивыми ладонями стен, закрыв над тобой и без того малый проран до боли, до отчаяния синего неба. В другой раз девушка испугалась бы этой нестерпимой сжатости пространства и времени, этих непроницаемых паранджей, белых одеяний и непостижимого, как пирамиды, египетского диалекта. Однако при теперешних обстоятельствах Вера шла не особенно-то оглядываясь, к тому же веселый многоголосый шум, отзвук которого она распознала уже давно, становился все отчетливее и яснее, все ближе и все заманчивее. Одна улочка, другой кривоватый полуповорот, тут еще загиб... и Вероника зажмурилась. Прямо перед ней, словно огромный голосящий костер, запылал раскаленными красками древний каирский базар. От неожиданности она на мгновение отпрянула, чуть помедлила и тут же, незримо махнув на все рукой, слилась с бешеным многоречивым пламенем.

Прежде всего ее поразили ковры, разительно отличающиеся по насыщенности и вместе с тем по естественной мягкости цвета от тех, что видела она раньше. Оказывается, орнамент нужен не для украшения, а для разговора! Старинный, древний сказ шептали ей изделия неизвестных мастеров. «Маму бы сюда... – пронеслось в голове Веры, – ей бы вон тот, со звездным небом и с переплетающейся вязью понравился бы...» Рядом наперебой хвастались чеканщики, так и сяк поворачивая на солнце свои лучащиеся светом изделия. Белоснежный, как одежда бедуина, алебастр переключался с хрупкими вещами из слоновой кости, деревянные фигурки – с причудливыми фаянсовыми формами. Сверкал хрусталь и скромно поблескивал шифер... Какой-то запоздалый продавец керамики быстренько раскладывал свои творения прямо на громадной газете «Аль-ахран» – Вероника уже знала, что в переводе это – «Пирамиды».

Но одна из лавок привлекла ее внимание особо. Там продавались стеклянные безделушки, всевозможные сувениры из цветного или тонированного стекла, к которому она питала пристрастие с детства. Ее просто потрясла изящная стеклянная расческа в форме водопада, и, возвращаясь в отель, девушка время от времени нащупывала в кармане понравившуюся вещицу – очередной подарок самой себе. А ювелирно обкатанные зубья расчески мелодично отзывались, словно и впрямь были когда-то водой. «Так... кап... плак...»

– Вода, – сказала Вера. Очень тихо, самой себе, но все же на ее голос обернулся прохожий, явно турист, быть может, соотечественник. Посмотрел на нее странно-понимающим взглядом и скрылся, смешался с толпой.

Интересно, знают ли влюбленные, как смешны и нелепы бывают... Вон, сорные плевелы! Это твоя сестра, ты должна желать ей счастья, а твое счастье еще где-то ходит по свету и непременно тебе встретится! Но что-то уже случилось, прогнулось. Вероникина душа ослабла после маминой смерти. Жизнь помяла ее в пальцах, размягчила своим горячим дыханием – и теперь Вера была податливее глины, мягче воска... Готов материал, можно лепить что угодно. Сопротивления не будет.

ГЛАВА 3

Из Москвы сестренки отзвонились отцу – собирались задержаться в столице на три-четыре дня, хотели погостить у родственницы, папиной племянницы Людмилы. Людмила работала дизайнером в какой-то фирме, зарабатывала неплохие, даже по столичным меркам приличные деньги и жила в свое удовольствие, ни о ком не заботясь, ни о чем не волнуясь, кроме себя, своей внешности, карьеры, квартиры.

Переступив порог именно этой стильной квартиры-студии, Вера вдруг поняла, что совершила ошибку, согласившись погостить у Людмилы. Нужно было ехать домой, к отцу. Они развлекались в Египте, теперь будут развлекаться в Москве – Людмила наверняка потащит их по магазинам, клубам, тусовкам... А он там – один. Без мамы.

Виктория, до которой Вероника донесла свое мнение, не удивилась и не расстроилась. Если сестра полагает, что для нее будет лучше вернуться как можно скорее домой – пусть возвращается к родным пенатам. Она, Виктория, взрослый, самостоятельный человек, она придет позже. Через пару дней, пообщается с Людмилой и вернется. И Людмила не удерживала двоюродную сестру – если надо ехать, пусть едет. Вот так и получилось, что в пять часов вечера двадцать третьего августа, после короткого, но докучного шопинга, Вероника приехала на Павелецкий вокзал и через полчаса уже сидела в вагоне. В родной город она должна была вернуться рано утром.

Ее никто не встретил, и Вероника даже немного удивилась этому обстоятельству. Разумеется, она не позвонила папе – отъезд получился скоропалительным. Но разве Виктория и Людмила не догадались ему позвонить? Нет? Тем лучше, впрочем. Она явится домой сюрпризом, обрадует отца, развеет его одиночество. Может быть, они съездят куда-нибудь за город, на озеро, будут не спеша гулять, вспоминать маму...

Новенький, чисто умытый автобус довез ее до дома. Вероника с трудом вскарабкалась по крутой лестнице – в старом доме лифта не было. Дверь она открыла своим ключом – отец, скорее всего, еще спит, день-то воскресный! И замерла в темной прихожей. В квартире поселился чужой, незнакомый запах сигарет – не маминых, у этих запах был сладко-шершавый, и модных, тоже сладко-шершавых духов, и пролитого шампанского... И только один запах казался родным и знакомым – аромат свежемолотого кофе, распространявшийся из кухни. Туда-то Вероника и направилась, торопливо бросив в коридоре сумку и неслышно разувершись.

И пока она шла по коридору, у нее возникла странная мысль, моментально превратившаяся в уверенность. Ей показалось, что мама жива. Конечно она жива! Иначе не могла так скоро пройти боль утраты. Это ужасная ошибка, вместо нее похоронили другую женщину, а она, всеми позабытая и позаброшенная, долго приходила в себя в больнице, может, была без сознания... И вот теперь выздоровела и пришла домой, и отец встретил ее, и теперь они вместе там, в кухне – варят кофе, смеются, и мама курит у раскрытого окна...

Задыхаясь от сердцебиения, Вероника влетела в кухню. Так и есть – мамина турка на плите, уже поднимается коричневая курчавая пенка, в пепельнице дымится сигарета, а у окна, в немых и страстных объятиях отца... незнакомая женщина. Худая блондинка, молодая, удивленная, в мамином голубом махровом халате. Он ей как раз по росту.

Вера немного помолчала, потом повернулась и вышла из кухни. Кофе, убежавший на плиту, зашипел ей вслед. Вероника сходила в прихожую за чемоданом, закрылась в своей комнате и принялась аккуратно разбирать вещи. Если это делать медленно и очень старательно – можно убить часа три, не меньше. Вера не думала ни о чем, в голове было пусто и прохладно. Она слышала, как по коридору прострекотали каблучки, как прикрылась входная дверь, как отец несколько раз виновато стучал в дверь ее комнаты... Но не реагировала. Разобрала вещи и легла спать, а проснулась только глубокой ночью – измученная внеурочным сном, совершенно

разбитая, с головной болью, в поту и тоске. Чуда не случилось, мама не воскресла, не вернулась с того света, ее место заняла другая женщина. Мало того – эта женщина была и при маминой жизни! Словно головная боль помогла вынуть из пассивной памяти картинку – эта девушка рядом с отцом в автомобиле, давно, три года назад. Секретарь-референт папашин, Светлана! Вот оно что!

Неизвестно зачем обмотав голову полотенцем, Вера вышла в кухню. Невозможно же вечно сидеть взаперти! Ей хочется есть, и чаю, и помыться! Она, в конце концов, пока еще живет здесь и имеет на это право!

Кухня плавала в клубах сизого дыма. Отец сидел за столом, курил, перед ним – недопитая чашка кофе, уже подернутого пленкой, ощетилившаяся окурками пепельница, трубочка валидола. Вероника распахнула окно, дым стал уходить.

– Нам, кажется, нужно поговорить, – без вопроса в голосе произнес отец.

– Если считаешь нужным, – пожала плечами Вероника.

– Почему ты так неожиданно убежала? Я понимаю... Бывают неловкие ситуации, но ты – воспитанная молодая особа, могла бы сохранить лицо...

– Ты же мне еще и выговариваешь! – возмутилась Вера. – Это не я попала в неловкую ситуацию, это ты попал, папочка!

– Тебе следовало позвонить перед приездом. У меня есть личная жизнь, я вправе ожидать от дочери уважения к ней. Хорошо, Вера. Давай оставим этот скандальный тон и обсудим все спокойно.

Это был тяжелый разговор. Тяжелые разговоры вообще случаются чаще, чем легкие. Или это так кажется, потому что приятный, но ни к чему не обязывающий треп забывается слишком быстро? А сказанная спокойным голосом, но страшная, страшная фраза застревает на всю жизнь. К тому же порой тон самого разговора означает едва ли не больше, чем произносимые слова... «В моей жизни есть другая женщина». «Я тебя больше не люблю». «Ребенок не от тебя».

– Нас со Светланой связывает многое. Твоя мама... Вера была замечательным человеком, удивительной женщиной. К сожалению, сферы наших, ну, что ли, интересов разошлись много лет назад. Она занималась наукой, литературой, она не знала и, в сущности, не хотела знать, на какие деньги мы живем, чем я занимаюсь, какие у меня сложности и проблемы... Я, ты же понимаешь, ни в чем не хочу ее упрекать, я всю жизнь восхищался... и восхищаюсь ею... Но придется признать непреложный факт – у меня есть Светлана, и я больше не считаю нужным лгать и изворачиваться. Не считаю возможным то есть. Я думаю, ты большая девочка, ты поймешь меня.

– Как мы дальше будем жить? – спросила Вера, в первый раз взглянув отцу в глаза.

– Не знаю... Как-нибудь, – пожал плечами он.

– Ты собираешься жениться на Светлане?

– Может быть. Если она не будет против.

– Ого!

– Что значит это восклицание, могу я узнать?

– Ничего. Просто – ого. И она будет жить у нас?

– Вероника, этот вопрос сейчас пока неактуален. Давай обсудим его позже, хорошо? Я хочу, чтобы ты знала – я тебя люблю, я по-прежнему считаю тебя своей любимой девочкой, и в наших отношениях ничего не должно измениться...

– Ну что ж, откровенность так откровенность, – объявила Вера, поднимаясь и преодолевая дрожь в голосе. – Я ненавижу тебя, считаю последней сволочью и не хочу тебя видеть. Лучше бы ты умер! *Манхаг!*

– Вероника!

Но она снова ушла в свою комнату, заперлась и повалилась, уже не сдерживая слезы, на кровать.

– Вероника, послушай, – громко сказал отец в прихожей. – Я не сержусь на тебя за эти слова. Я виноват. Все это так... неожиданно. Ты еще слишком молодая, слишком неопытная, чтобы адекватно оценить эту ситуацию. Уверю тебя – со временем все станет на свои места. Время лечит.

Через три дня приехала Виктория. За эти дни действительно обстановка успела разрядиться. Светлана больше не появилась в доме. Отец рано приходил с работы, уже на второй день они с Верой вместе смотрели телевизор, Вероника рассказывала о Египте, готовила обед, перегладила отцовские рубашки. Она решила выжидать.

– Может, это и к лучшему. С чего ты так взъелась-то? – удивилась Виктория, когда сестра рассказала ей в первый же вечер о «кухонном прецеденте».

– К лучшему?

– Ну конечно. Слушай, а ты что, поклялась никогда с папой не разлучаться? Всю жизнь с ним провести думаешь?

– При чем здесь это?

– Да при том! Никто не виноват, если тебе впору только в куклы играть, инфантильная ты моя. Купить тебе Барби и Кена?

– Вик, да ну тебя, в самом деле!

– Родная, а тебе не приходило в умненькую башечку, что мы с тобой скоро повыходим замуж и папа останется совсем один? И как он жить будет? А он нестарый еще человек, он мог бы еще быть счастливым... Попробуй взглянуть на вещи так, как взглянула бы мама. Ты носишься с ее памятью, вот и попробуй!

– Как ты можешь так говорить, – пробормотала Вера. В ней зарождалось ощущение, что легкомысленная сестра в кои-то веки права. – Но она мне не нравится, Вик! Как подумаю, что отец связался с ней, еще когда мама была жива... Понимаешь? Он же обманывал ее, и сейчас делает нас как бы соучастницами этого обмана! *Манхаг!*

– Да, это неприятно. Но это жизнь, дарлинг! Слушай, а что это у тебя за словечко? Манх...

– Не знаю. Какое-то ругательство подцепила, наверное в Египте.

– Полиглоточка ты моя! С языками у тебя всегда хорошо было, а вот с житейской мудростью похуже. Я прямо иногда не понимаю, кто из нас старшая сестра! А насчет твоей антипатии – так не тебе ж с ней жить-то!

А вот тут Виктория ошибалась. Но это выяснилось несколько месяцев спустя. Началось все с того, что Карлхен оказался на редкость верным влюбленным и упорным типом. Переписывался он с Викой с немецкой педантичностью, пригласил обеих сестер в гости на краткий рождественский отдых. Они поехали в вольный город Гамбург на зимние каникулы. Виктории очень понравился дом Карла, его машина, тихий, элегически задумчивый пригород Гамбурга – и она приняла его предложение руки и сердца. Вера же как-то рассеянно пропустила столь ответственный, судьбоносный, по сути, момент в жизни сестры, потому что постоянно думала – вот теперь, когда обе они уехали, папочка наверняка опять пригласил эту... Одно только радует – она больше не будет носить мамин голубой халатик, потому что перед отъездом Вероника предусмотрительно заперла его в свой гардероб! Мама считала, что каждый человек имеет право на частную жизнь, поэтому все комнаты и все шкафы в квартире могли быть запертыми на ключ.

Дома и в самом деле чувствовалось присутствие женщины. Не домработницы, нет. Домработница Ольга Ивановна не ставила в вазу на столе еловых ветвей, не покупала нового кухонного фартучка – обшитого кружевами, скажите пожалуйста! – и не забывала герленовской алой помады на полочке в ванной комнате! Веру этот сине-золотой футлярчик потряс до глубины души. Это был знак. Это был сигнал. Любовница отца, секретарь-референт Светлана (как же

ее фамилия?), таким образом пометила территорию! А на полочке в прихожей обнаружили еще и новые тапочки с весьма кокетливыми меховыми бомбошками. «Я к вам пришел навеки поселиться», как говаривал незабвенный Васисуалий Лоханкин.

Но все же это пока еще распускались цветочки. Пора ядовитых волчьих ягодок пришла в тот момент, когда Виктория все же отбыла в далекий город Гамбург. Правда, это случилось не скоро. Вика во что бы то ни стало хотела закончить университет и получить свой красный диплом. Подруги недоумевали, но сестры, на некоторое время обретя прежнее единство, хором отвечали:

– Замужество – не повод оставаться без высшего образования. Бог даст, все будет хорошо, но никто не может знать, как там сложится. Диплом не помешает. И мама была бы довольна...

Вера на тот момент университет закончила, получила диплом и теперь пыталась, что называется, делать карьеру. Карьера делалась довольно бодро – в маленьком городе имелось свое телевидение, радио, несколько газет и газетенки, даже региональное отделение общероссийской газеты. Вероника легко прошла конкурс и попала на телевидение, ее репортажи то и дело звучали в местных новостях, иногда ее даже показывали. Операторам нравилось детское, но такое серьезное личико Вероники, умилительно округлая фигурка, пепельные кудряшки, распахнутые голубые глаза. И ей нравилась работа – но надо признать, что, кроме морального удовлетворения, она почти ничего не приносила. Зарплаты на телевидении были мизерные, этими деньгами Вероника, живи она одна, даже квартиру оплачивать не смогла бы! А ведь еще питаться надо, и следить за собой, и одежду покупать, потому что на телевидении замарашек не держат! Так что сейчас она работала только к славе своей, а содержал ее по-прежнему папа.

Итак, после короткого свадебного торжества, на котором было пролито больше слез, чем вина, молодые супруги уехали в старинный немецкий город.

– Верунь, ты приезжай к нам в гости, ладно? У Карла столько знакомых, молодые футболисты... Может, и ты встретишь там кого-нибудь, а? Слушай, поехали прямо с нами, а? Остаешься там жить...

До Виктории, похоже, только накануне отъезда дошло, что едет она в чужую страну, где долгое время будет вынуждена обходиться без друзей, без знакомых, без русского языка, без всего что так долго составляло ее жизнь. Будет жить в красивом домике с садом, с красивым, молодым, богатым мужем, о котором она мало знает, который занят своим важным делом... А как здорово бы вышло, если бы сестра поехала с ней! Почему ей это раньше не пришло в голову? Тогда бы еще было время ее уговорить! И так все замечательно, а могло бы быть еще лучше...

Вероника только кивала, грустно глядя на сестру. От счастья Вика похорошела еще больше – горели синие глаза, на щеках цвел нежнейший розовый румянец, губы пылали... Нет, пока Вика рядом, никто не посмотрит на ее невзрачную сестрицу! Им лучше сейчас поврозь. К тому же что значит – жить? Хозяин положения, как ни крути, Карл, а он ни словом не обмолвился насчет того, чтобы свояченица переехала в Гамбург. Конечно, Виктория могла бы его уговорить – вон как он на нее смотрит, как на икону Богородицы! Но зачем Вере положение приживалки? У нее свой дом и своя жизнь, и будет свое собственное счастье!

И поезд ушел, а Вероника осталась. Осталась одна в чужом теперь мире. Всегда рядом были мама и сестра. Теперь не было никого, только ставший неродным, незнакомым отец и еще таксик Гек. И неизвестно – как в этом мире жить, как себя вести.

Светлана стала появляться в их доме чаще. Сначала украдкой. У Веры появились друзья, часто она ездила тусоваться с телевизионщиками возвращалась под утро. Отцу всегда звонила, предупреждала, и чувствовала порой прорывающееся веселье в его голосе. Значит, собрался привести.

Примерно через два месяца после отъезда Виктории Вера, выйдя утром в кухню, застала там Светлану. На молодой женщине был яркий шелковый халатик, она деловито хлопотала у плиты.

– Садись, Вероника. Завтракать будешь?

– Я на диете, – брякнула Вероника, краем глаза заметив – на сковородке шкварчит яичница с колбасой, что-то пытит в кастрюльке.

– Да ты что? – радостно удивилась Светлана. – А на какой? – И, не дожидаясь ответа, продолжала щебетать: – Знаешь, но позавтракать все равно нужно, иначе до вечера не протянешь, наешься на ночь, а это вредно при любой диете. Яичницу я для Юры жарю, а нам с тобой – овсянка!

– Терпеть не могу овсянку, – только и смогла выговорить Вероника. Яичница для Юры, надо же!

– Хоть чаю попей! – крикнула ей вслед обнаглевшая секретарша.

Но Вероника уже устремилась в комнату к отцу. Он одевался – стоя перед зеркалом, завязывал галстук, насвистывал дурацкую рекламную песенку про пингвинов.

– Пап, я должна тебе кое-что сказать...

– Да, Вероника, я тебя слушаю.

– Я встретила одного мужчину...

– Да ну? Очень рад за тебя. Я так понимаю...

– Ты не ошибся. Так вот – я его полюбила. И он меня тоже. Теперь мы будем жить вместе.

– Вот как?

Отец завязал наконец галстук и отошел от зеркала к столу, стал перебирать там какие-то бумаги. Вероника поняла – экспромт удался, она выбрала правильную тактику.

– Верочка, все это очень неожиданно... Может быть, ты приведешь своего избранника к нам в гости, мы познакомимся, обсудим все... И потом, извини – ты где собираешься с ним жить, здесь?

– Да, здесь. Жилплощадь позволяет, так ведь?

– Хмм... Неожиданно, сознаюсь. Но мы обдумаем все это, да. Поговорим вечером?

– Зачем же откладывать? – Вера чувствовала, что ее «несет». «Остапа несло», как сказала бы мама. – Ты не приводил знакомиться с нами свою избранницу, не интересовался, нравится ли она нам, ничего мы не обдумывали и не обсуждали... Теперь она в кухне глазунью двуглазую поджаривает и овсянку по-хозяйски помешивает, а мы вынуждены с этим мириться!

– Ну, во-первых, мне непонятно, почему ты говоришь о себе во множественном числе...

– Потому...

– Не перебивай меня, будь добра! – повысил голос отец. Дочь задела его за живое. – Во-вторых, хозяин в этом доме – я, я же тебя содержу и правила устанавливаю тоже я. Возможно, в чем-то твои претензии справедливы... Но тебе остается только принять все как есть!

– Отлично. Ты закончил, папочка? Теперь позволь сказать тебе следующее: ты можешь меня не содержать. И еще: я могу ошибаться, но на эту квартиру я имею такие же права, как и ты. Она ведь мамина, так? И принадлежала ее родителям, я не ошибаюсь?

Отец отодвинул Веронику плечом и ушел. В ванную. Насвистывая по дороге все тот же глупый мотивчик, который потом доставал Веру несколько дней подряд:

Мы пингвины, кушаем мы льдины.

Лижем и кусаем и вам того желаем!

ГЛАВА 4

Следовало искать работу. Настоящую работу, где платили бы деньги. Но в провинции это было очень трудно, почти невозможно. Никто не хотел давать денежного места девочке, вчерашней выпускнице гуманитарного факультета. Да и что она умела делать? Подружки и приятельницы советовали ехать в Москву, поговаривали о невероятных заработках, о блестящих перспективах.

– Нинка Харитоновна уехала, сейчас работает в банке аналитиком, четыре тысячи долларов получает! – соблазнительно картавила в телефонную трубку одноклассница Машуня. – Представляешь? Снимает квартиру за пятьсот баксов, остальное тратит!

– Представляю, – уныло парировала Вера. – А дальше что?

И в самом деле, что? Нинка была отличницей, стервозной барышней, целеустремленной и деловой. У Вероники такой хватки нет, да и не тянет ее в амплуа бизнес-леди. Скорей уж она склонна позавидовать Машуне, у которой уже есть свой дом, и надежный муж, и здоровенькая малышка!

– Как – что? Да ну тебя, Вероник, ты что такая скучная? Тебе бы так не хотелось? Вот и рискнула бы. Это я, дура, в восемнадцать замуж выскочила и сразу Варьку родила. А ты свободна, езжай, делай карьеру.

Возможно, Вера и решилась бы поискать счастья в столице, но тут вмешался случай. Позвонил Митька Колесников, приятель по университетскому КВНу. Митька тоже некоторое время назад мыкался в поисках работы, теперь нашел и звонил, чтобы поделиться радостью.

– Взялся верстать журнальчик один, – сообщил он, и по небрежному тону ясно было, что работой он доволен, что журнал, очевидно, хороший и новый и Митька страшно гордится.

– Здесь, у нас? – удивилась Вероника.

– Представь себе. Какой-то местный воротила решил издавать гляцевый журнал. Воротику зовут Станислав Михеев, у него штук пять магазинов, сантехникой торгует. Денег вороны не клюют, вот и развлекается таким образом. Хочу говорит, журнал, свой собственный! Офис снял, компьютеры купил, журналистов набирает. Журнал своим именем назвал, «Станислав». Говорит, будет что-то типа «Плейбоя» или «Менсхелса». Я к нему верстальщиком и дизайнером устроился. Платит прилично. У него есть вакансия выпускающего редактора, ты меня понимаешь?

– Выпускающего редактора? Ты что, Митька? Я не потяну!

– А куда ты денешься? – рокотал в трубке довольный Митькин голос.

«Действительно, куда я денусь», – сообразила Вероника и быстренько согласилась встретиться с Митькой завтра утром, чтобы тот отвел ее в офис к сантехническому воротиле и представил ему будущего выпускающего редактора.

Полночи не спала – волновалась, думала, что надеть, как себя вести. Вспоминала самые светлые, самые удачливые дни, настраивалась на позитивный лад. Вскочила спозаранку, на встречу вышла за час до назначенного срока и даже не обратила внимания на деловито вышагивающую по коридору Светлану.

Олигарх-издатель оказался нестарым мужчиной, поразительно похожим на норвежского тролля. Бог их знает, как эти тролли на самом деле выглядели, но как раз в это время город наводнили игрушки-сувениры в виде троллей. Тролли-бабушки, тролли-дети, троллихи в свадебных платьях, тролли во фраках, тролли в костюмчиках врачей, пожарных, охотников, футболистов... Чем больше игрушка, тем она дороже. Издатель-бизнесмен Станислав Михеев словно был самым большим и самым дорогим, и сам знал об этом – на шкафу в его кабинете стоял огромный тролль в строгом костюме. Сам Михеев, довольно-таки небрежно одетый в джинсы и свитер, выглядел в этот утренний час несколько помятым и благоухал непростым

алкоголем. Или это у него одеколон настолько своеобразный? Скорее чутьем, нежели невеликим своим жизненным опытом Вера поняла – этому лучше не попадаться на пути. Недавно по телевизору шла программа про животных. Там рассказывали о бегемотах, и, в частности, Вероника узнала занятную вещь. Бегемот считается самым опасным африканским животным, на его долю приходится самое большое количество жертв. Самые страшные убийцы – не львы, не крокодилы, а толстенные сонные зверушки, пусть и весом в шестнадцать тонн! Ника видела бегемотов в Египте и очень удивилась – как такие флегматичные и неповоротливые существа могут быть опасными? Оказалось, могут. Они воспринимают как потенциального врага любого, кто стоит между ними и водоемом, а репутация флегматиков зачастую мешает окружающим оценить их опасность.

Вот таким и был новый Никин работодатель, троллбегемот Станислав Михеев. Встретил он гостей приветливо, но лаконично.

– Выпускающий редактор? Отлично. Ваше образование, извините? Практика есть? Кофе будете? Дмитрий, покажи Веронике Юрьевне нашу редакцию, хорошо? Я спешу. Завтра выходите на работу. Ко сколько? Ну, пусть будет примерно к десяти.

Из офиса Вера вышла абсолютно счастливым человеком. Ей понравилась редакция, понравились новенькие компьютеры, уютные кресла, а больше всего... Больше всего ей понравился оклад, назначенный либеральным Михеевым. Двенадцать тысяч рублей! Это для кого-то ерунда, а для Веры – громадные деньги, которые, быть может, не позволят ей раскатывать по Египтам и прочим заграницам, но дадут желанную независимость от отца. Ослепшая от своей удачи, Вероника летела над весенней улицей – а денек выдался чудесный для средней полосы России в начале апреля! Вовсю токовали одуревшие от весеннего солнца синицы, и редуты сосулек торжественно вытягивались по струнке, словно готовясь к скорому параду. Солнце, проснувшееся, кажется, раньше положенного, принялось еще задолго до полудня вдохновенно работать. Оно растопляло и подтачивало, съедало и изводило, лишало опоры и заставляло распадаться на кристаллы все зимние, незыблемые до сих пор обретения. Постепенно его вездесущие лучи добирались и до теневых сторон северных улочек, где еще в лужах жалобно позванивал окрепший за ночь ледок, а на окнах, находящихся почти на уровне земли, доцветали последние небывалые гиацинты и папоротники. Ручьи рождались буквально на глазах и немедленно устремлялись по крутым улицам и просто по склонам вниз, к Волге, будто повинаясь ее могучему зову. Крошечные кучки отчаянных рыбаков жались к берегам, а стрежень реки, проступая на белом фоне темно-синей широкой полосой, все еще был подо льдом, но уже чувствовалось, что вот-вот под напором течения и прямых солнечных лучей лед дрогнет, заскрипит и неизбежно рухнет. Одиннадцатого апреля, накануне ледохода, устроилась Вероника на новую работу и была уверена – это добрый знак!

Работать оказалось забавно. Михееву удалось стянуть в редакцию журнала самых обаятельных фриков², которыми так богаты города провинциальные, захолустные, но по законному праву кичащиеся своими университетами. Была некрасивая, истощенная девица, манерой одеваться и вести себя из последних сил подражающая Земфире, – музыкальный обозреватель Катя Дрынкина; был отталкивающе толстый томный красавец, маргинальный журналист Гарик Перельдеев; был известный автор детективных романов (выходивших, правда, под разными псевдонимами) Роналд Битман. Сама по себе, в непредсказуемом русле «авторского самотека», притекла разбитная, рыжая, кудрявая девица, принесла «посмотреть» эссе. В минувшем феврале страна как раз с помпой отмечала радостную дату – много лет как Пушкина нет, и эссе было о Пушкине – и таким оно оказалось язвительным, грустным, пронизанным нежностью к убитому смуглому человечку, который перед смертью просил морошки, что Вера немедленно поставила его в номер. Саша Геллер, так звали автора эссе, явилась через день, смешно бла-

² Фрик – чудик (англ.).

годарила Веронику, быстренько выпила три чашки непроглядного кофе без сахара и, изящно потушив окурок об остатки пирожного, ушла, оставив запах легких сигарет и крепких духов. Вероника твердо решила с ней подружиться, – университетские подруги как-то рассосались, новых не заводилось, сестра не писала. Из друзей оставался только мамин таксик Гек, глупый, но утешительный пес. Он каждый вечер встречал Веру в прихожей, звонко взлаивал, махал хвостом так, что извивалось все его тельце, и смотрел преданно, весело. Вероника брала песика на поводок, и они шли гулять в сквер, где Гекльберри гонялся за голубями и деловито расплескивал подернутые ледком лужи, радовался весне.

Но как-то вечером такс загрузил. На прогулке не прыгал, как раньше, не разбрызгивал луж, не гонял обомлевших от весны голубей, чинно походил рядом с Верой и запросился домой. Дома лег на свой матрасик и принялся вздыхать. Такое с песиком бывало, когда домработница перекармливала его. Вероника дала таксу попить воды, забралась с ногами на диван и взяла книжку Пауло Коэльо, которого в том году читали все уважающие себя люди.

Около полуночи такс забеспокоился. Он заскулил, завопил на матрасике, и вдруг его вырвало кровью. Ника вскочила, отбросив томик модного Коэльо. Гекльберри заболел. Съел что-то не то? Надо везти к ветеринару, срочно! Да, но как? Круглосуточная клиника работает на другом конце города, туда еще нужно добраться. А на улице ночь, денег на такси у Веры нет. До первой зарплаты, как назло, осталось три дня, в кошельке у нее сорок рублей, а ведь еще и врачу нужно будет заплатить, и, наверное, немало! Придется побеспокоить отца, попросить денег. Может, он даже сам отвезет Веронику в ветеринарную клинику? Отец был со Светланой. Из-за неплотно закрытой двери из его комнаты доносились голоса, смех, тихая музыка... Вероника постучала – сначала негромко, потом более настойчиво. Голоса умолкли, через минуту на пороге появился отец – в запахнутом халате, с взъерошенными волосами.

– Вероника? Что случилось?

– Папа, Гекльберри заболел!

– Вот еще напасть! Что с ним такое?

Вера принесла такса в кухню. Он тихонько лежал на подстилке, уже не скулил и не открывал глаз. Бархатные бока песика, которые Вероника так любила похлопывать ладонями, часто вздымались, он весь слегка подрагивал, будто его касались незримые руки чужой хозяйки.

– Объялся, – констатировал отец, потрогав живот такса. – Ничего страшного.

– Его рвало кровью. Вот тут, видишь следы?

– Ничего страшного, – повторил отец несколько увереннее. – Обкормила его Ольга Ивановна. Как обычно. Дай ему воды и оставь в покое. Утром снова запрыгает, вот увидишь.

– Пап, его к ветеринару надо. Он очень плохо дышит и еще хуже выглядит. По-моему, Ольга Ивановна дала ему куриных костей, я нашла огрызок кости у него в матрасе. Сейчас, когда его поднимала. Отвези нас, пап, ладно?

Отец замер в сомнениях.

– Подожди минутку. – Он потрепал дочь по затылку и вышел из кухни.

«Пошел одеваться, – сообразила Ника и, сев на табурет, стала гладить занемогшего песика по спине. – Какой же он все-таки маленький и беззащитный!»

– Зачем ты, дурень, жрал куриные кости? Ты же знаешь, тебе нельзя. Ну, Ольга Ивановна, устрой я вам цыганочку с выходом! Сколько раз можно говорить?

Домработница Ольга Ивановна придерживалась распространенного мнения, что собаку можно и нужно кормить объедками с хозяйского стола. Она была слишком упряма и неумна, чтобы ее можно было переубедить, поэтому никто и не пытался. Просили только не давать Геку никаких «лакомых» кусочков – у него свой рацион, он не нуждается в гостинцах! Но домработница то и дело подкармливала пса, сдаваясь на его умильные мольбы, из-за этого и раньше случались неприятности, но до такого никогда еще не доходило!

Отец долго не выходил, и Вероника не выдержала. Изнывая от сознания собственной беспринципности, она на цыпочках подошла к двери его кабинета.

– Юрочка, это безумие! Ты посмотри: вечером дождь шел, теперь подморозило. Дорога блестит, как стекло. Ты взволнован сейчас, можешь во что-нибудь врезаться! Не езд никуда, не делай глупостей! Девочка просто запаниковала, с собакой все будет в порядке. Утром ее тоже можно будет отвезти, сделают ей клизму, или что там нужно...

«Тебе бы самой клизму трехведерную», – чуть не высказалась вслух Вероника, но взяла себя в руки и тем же манером, на цыпочках, прошествовала обратно в кухню. Она все еще пребывала в наивной уверенности, что отец не станет слушать эту ночную кукушку, он сейчас оденется, подгонит машину и поможет дочери и Геку! Но ошиблась. Отец вошел в кухню, и на нем по-прежнему был халат.

– Папа? Ты не готов?

– Вера, я думаю, глупо сейчас ехать в такую даль. Погода, сама видишь, нелетная. До завтра Геку ничего не делается, да и завтра, я думаю, тоже. Съездим в клинику с утра. А сейчас давай спать.

– Дай, пожалуйста, мне денег. На такси и заплатить ветеринару, – попросила Вероника напряженным голосом. – Я сама с ним съезжу.

– Ника, это лишнее. Не паникуй. Послушай...

Тут она промахнулась. Выбрала неправильную тактику. Ей бы ласковой лисичкой покрутиться возле отца, подольститься к нему, пару слезок уронить... Он бы сдался, потворствовал бы капризу дочки. А Вероника вспыхнула:

– Ты повторяешь ее слова! Точь-в-точь! А если б она тебе сказала, чтобы ты нас из дому выгнал, ты бы так и сделал?

– Подслушивала?

– Я не подслушивала. Я просто слышала!

– Вероника, иди к себе в комнату.

– Не пойду. Дай мне денег, я повезу Гека к врачу.

– Ты не поймаешь сейчас машину. Сильный снегопад, поздно. Ложись спать, утром мы отвезем собаку вместе.

– Ненавижу вас, – прошептала Вера и наконец заплакала – слезы сами покатились из глаз. – Как же я вас ненавижу!

– У тебя истерика, – проронил отец. – В таком состоянии ты никуда ехать не сможешь. Я тебе не позволю, в конце концов! Выпей корвалола и ложись спать. Утром поедem в клинику.

Вера разыскала в аптечке и скормила таксу лекарство. В прошлый раз, когда песик сожрал какую-то гадость из помойки, ему прописали эту микстуру. Тогда здорово помогла, может, и сейчас поможет?

Вероника думала, что не сможет заснуть, но заснула – заплаканная, измученная, уставшая.

Отец не солгал – в шесть часов утра постучал в дверь, разбудил дочь. Она скатилась с постели, кинулась одеваться.

– Гек! Гекльберри, ты как, мальчик мой?

Песик приоткрыл глаза и заколотил хвостом.

Видимых улучшений в его состоянии за ночь не произошло, но и хуже не стало. Может быть, отец и его кикимора были правы? Может, с Геком все не так уж плохо и она зря паниковала? Думать об этом было неприятно. Как бы то ни было, но Светлана просто не могла вмешиваться в их с отцом внутрисемейное дело, не имела на это никакого права!

Отец сам отвез Веру и такса в ветеринарную клинику. Из желудка собачки извлекли осколки куриных костей, дали лекарство, сделали укол. Ветеринар, похожий на молодого Армена Джигарханяна, сказал Веронике:

– Будем надеяться, все обойдется.

Но не обошлось. Вера не пошла на работу, осталась дома с Гекльберри. Около двух часов дня, когда закончился снег и прояснившаяся даль подала заплаканным Вероникиным глазам надежду, он стал тихонечко стонать, в три часа не смог даже открыть глаз, а к шести – тихо, незаметно умер.

Вероника больше не плакала. Она запеленала Гека в кусок темно-вишневого атласа, много лет хранившегося зачем-то в шкафу, и положила в коробку из-под обуви. Завтра, когда стемнеет, она отнесет его к Ботаническому саду, куда они вместе раньше ходили гулять. Там у ограды рыли канаву неизвестного назначения, а закопать забыли. Наверное, она сможет положить туда коробку и забросать чуть оттаявшей землей и кусками щебня. Наверное, Гекльберри приятно будет лежать в его любимом садике, и его покой никто не потревожит...

Зазвонил телефон.

– Дочь, ну как там Гек?

– Гек умер, папа. Только что. Ты когда? Поздно вернешься?

– Поздно. Жалко Гека, Веруша.

– Мне тоже.

– Должна заехать Светлана, взять папку с документами.

– И что?

– Ничего. Просто тебя предупредил.

– Ясно...

Отец говорил совершенно спокойно, он не удивился, голос его не дрогнул. Конечно, он рад, что Гека больше нет. Ему досаждала проворная собачонка, она крутилась у него под ногами, надоедала звонким лаем и, наверное, напоминала о маме. Гекльберри был мамин пес, она его принесла в дом, когда он был маленький, как мышонок, она дала ему имя... А Вероника не уберегла маминого песика. Ведь, кажется, не так давно они с мамой вместе его гладили. И сестра была рядом...

Хотелось выпить чаю. Сегодня она ничего не ела, не пила, сидела у матрасика Гека. Теперь он не просит внимания, не требует заботы, не просится гулять.

Чайник оказался горячим – кто-то недавно подогревал. Вера налила чаю в любимую синюю чашку, положила сахар, отрезала кусочек лимона принялась не спеша размешивать. Ее отвлек какой-то шорох в глубине квартиры, потом послышались шаги...

Светлана приехала забрать забытые документы. Ей удалось открыть дверь совершенно беззвучно. Она была уверена, что скандальная дочурка Юры сидит, как обычно, в своей комнате и проливает слезы над околевшей собачонкой. Но та оказалась в кухне, куда и сама Светлана направилась попить водички. Сидела за столом, в старом вылинявшем халате, волосы растрепаны, лицо опухшее. Красавица, нечего сказать! Однако следовало выразить сочувствие, и Светлана мучительно подбирала слова.

– Мне очень жаль, – решила она не оригинальничать для начала. – Это так ужасно, когда умирают питомцы, но к этому нужно быть готовым, когда их заводишь. Животные уходят раньше...

– Это мамина собака, – спокойно сказала Вера. – Так что Гек даже пережил свою хозяйку.

Светлана ничего не успела ответить – Вероника выплеснула содержимое чашки ей прямо в лицо. Потом ей вспоминалось это, как в замедленном кино – не огненный, но довольно-таки горячий чай летит в Светлану, образуя в полете капли, словно летит в невесомости... Капли обжигают ее изумленное, запрокинутое лицо, она кричит, она гримасничает, безобразно распылив рот. По ровной, фарфоровой коже расплываются красные пятна, по белоснежному пиджаку – безобразные желтые кляксы, в безукоризненно уложенных волосах застрял ломтик лимона. Продолжая истошно кричать, Светлана бросается к раковине, открывает кран (струя

из него, повинуюсь тому же замедленному темпу, все не идет и не идет) и наконец горстями кидает в обожженное лицо холодную воду.

– *Огонь богини Эйи. Возьми это, женищина*, – прошептал кто-то внутри Веры.

ГЛАВА 5

В эту ночь отец не пришел домой. А через три дня, после короткого и сухого разговора, переехал к Светлане. Вероника осталась одна в огромной пустой квартире, решив для себя с отцом больше не общаться. Ему нужна Светлана, – как говорила сестра, чтобы не быть в старости одиноким? Вот и хорошо. Значит, обойдется без Веры.

Вероника быстро поменяла паспорт и взяла фамилию матери – Солодкова. Она заперла кабинет отца и комнату мамы, оставив в пользование свою комнату и гостиную. Как и собиралась, подружилась с Сашей Геллер, она уже два раза прибегала, восхищалась портретом предка, листала семейные альбомы, и с ней можно было поговорить обо всем, все ей рассказать. После первой зарплаты устроила Вероника небольшую вечеринку для новых сослуживцев. Пригласила Митьку Колесникова, Дрынкину, Сашу Геллер. Саша и привела с собой фотографа Даниила Куприянова по прозвищу Архангел.

Архангел был красивый. У него были длинные темные кудри, иконописное лицо, огромные темно-синие глаза. Впечатление портили мягкий, круглый девичий подбородок и капризные губки, сложенные бутончиком, словно у обиженной девочки.

– Это вам. – Он преподнес Вере букет желтых гвоздик. Она немного растерялась – остальные гости принесли с собой выпивку и закуску.

– Спасибо... Я сейчас поставлю в вазу...

– Нужна ли цветам ваза? – многозначительно продекламировал Даниил.

Вера не знала, как реагировать на это высказывание в духе прочитанного, но не понятого ею Козльо, поэтому стояла, как дура, с цветами в руке. Впрочем, потом Куприянов показал себя образцовым гостем – тяпнул фужер шампанского, закусил оливкой, станцевал с Сашей аргентинское танго и вообще больше Веронику не смущал. До поры. Цветы она все же пристроила в мамину серебряную чайницу.

– Даниил наш новый фотограф, будет делать обложку и фотографии для «Станислава», – шепнул Митька Веронике.

– Да? А почему он с Сашей пришел? Он ее парень?

– Не знаю. По-моему, они там же, у Михеева, и познакомились. Ну да. Ты еще болела тогда три дня. А что? Запала на него?

Митька заработал легкий подзатыльник. Куприянов совсем не был похож на доставшего сестрице либе Карлхена, но Вере понравился. И она ему понравилась, это было заметно, и дальше все было более или менее ясно. Он ей нравится, она ему тоже, из одного круга, симпатичные, креативные, свободные... Все шло к более или менее серьезному романчику, ведь так?

Гости расходились за полночь. Завтра суббота, на работу не ехать. Митька пошел провожать Дрынкину, с которой весь вечер проговорил о музыкальных новинках. Саша Геллер долго звонила кому-то по телефону, бегала в кухню, смотрела в окно. Наконец у подъезда засигналили, Саша схватилась и выбежала, на ходу натягивая шубку.

– Вот мы и одни, – сказал Даниил, придерживая Веронику за руку в темной прихожей.

– Да, – ответила она. В голове слегка шумело вино, в сердце разгорался опасный пожар – от вина, от близости этого чужого, красивого, странного человека.

– Ты здесь одна живешь? Расскажи мне о себе.

Они сидели в кухне и разговаривали. Вера рассказала про маму, про сестру, про отца и даже про Гекльберри. Рассказала, как получилось, что она осталась совсем одна в этой большой квартире.

– Мне иногда бывает так скучно...

Вероника кривила душой. Она порой мучительно тосковала по маме, до слез жалела такса, злилась на отца и завидовала Виктории – но скучно ей не было. Она просто не успевала

скучать. Последнее время она вообще жила от всплеска до всхлипа, от волны до волны – какая уж тут скука да тоска зеленая!

– Тебе больше не будет скучно. Мы ведь нашли друг друга, да?

Кухня завертелась и встала на ребро. Неужели это с ней, толстой глупышкой Вероникой, происходят такие замечательные, захватывающие события, неужели ей почти признается в любви романтический красавец?

– Я тебе нравлюсь? – спросила она онемевшими, как от наркоза, губами.

– Нравишься? Девочка моя, это не то слово. Когда я тебя увидел... Меня коснулось новое чувство. В тебе живет страсть, в тебе заключен целый мир, таинственный и страшный...

Комплимента Вероника оценить не смогла. Куприянов с некоторым усилием поднял ее на руки и поволок в сторону спальни.

«Во мне живет страсть? Надо же, а я и не замечала. Таинственный и страшный мир, надо же! Не приложил бы он меня затылком о косяк!» – подумала Вера деловито. А потом еще: «Ох, уронит он меня, я ведь не перышко». Последняя мысль сыграла решающую роль. Она осторожно высвободилась и получила возможность встать на пол.

– Мне кажется, мы немного торопимся...

– Я тебя понял, – кивнул Даниил. – Прости, я не должен был... Проводи меня, ладно? И не обижайся.

Вера кивнула. Да, сейчас ему лучше уйти. Все это очень мило, красиво... Но все же как-то скоропалительно.

В прихожей он, изловчившись, поцеловал ее – нежно-нежно, словно перышком коснулся губ. Но никуда не ушел. Даниил Куприянов, богемный фотограф по прозвищу Архангел, остался, чтобы принести Веронике Солодковой большие неприятности.

ГЛАВА 6

Даня Куприянов рано понял, что главное в жизни – это удовольствия. Остальное – второстепенно. Чтобы были удовольствия – нужны деньги. А чтобы были деньги – нужно, как ни крути, работать. Работа же в число удовольствий не входит, увы. Замкнутый круг какой-то получается!

Разрешить противоречие можно единственным способом. Простым, как сучий хвостик. Нужно найти работу, которая была бы тебе по душе и не особо напрягала к тому же. Родители Даниила считали себя близкими к искусству людьми – в прямом и переносном смысле. Отец всю жизнь проработал в местном театре оперы и балета осветителем. Мама – там же, костюмером. Зарабатывали мало, порой и этих копеек ждали по три месяца. Но оба обожали театр, говорили о нем с блеском в глазах и мечтали, чтобы сын «пошел по театральной линии», как с подчеркнутым изяществом высказывался отец. Благо внешность мальчику позволяла – у сереньких, обычных людей родился чудесно красивый ребенок, звездный мальчик, Маленький принц с далекой безымянной звезды! Даниил играл в школьных спектаклях принцев и готовился к поступлению на театральный факультет местной консерватории.

Он практически не сомневался – его примут. Родители – большей частью мама, конечно, – были знакомы со многими провинциальными звездами. Мать шила для них платья, подгоняла костюмы, пила с ними кофе, обменивалась сплетнями... Дружила, в общем. Эти знакомства помогут Дане попасть на театральный факультет. Потом он, конечно, попадет в столичный театр, оттуда, быть может, на съемочную площадку. Сейчас снимаются русские сериалы, и актер Куприянов, с его звучной фамилией, незаурядным талантом и блестящими внешними данными, сможет пробить себе дорогу. Будущее виделось в розовой дымке – особняк на Рублевке, светские тусовки, изысканные удовольствия, утонченные наслаждения.

На театральный факультет Даниил поступил, вызвав дикий восторг и слезы счастья у родителей. На этом его триумфальное шествие и закончилось. Учиться оказалось очень трудно. Даже для поддержания амплуа романтического героя, волшебного принца, нужно было знать и уметь массу всего. Танцевать, фехтовать, учинять акробатические трюки и при этом еще играть!

– Куприянов, не строй мне глазки, я не девица красная! Играй, Куприянов! Работай! – требовал мастер курса, заслуженный актер Чирков.

«А я что делаю?» – удивлялся про себя Даниил. В общем, не срослось у него с театральным факультетом, не состоялся он. Первую сессию он худо-бедно сдал, а после второй пришлось уйти. Педагоги, в том числе те немногие, у которых он получал сравнительно неплохие отметки, мягко намекали на профнепригодность, на то, что не стоит ломать себе жизнь, на отсутствие актерского дарования.

И как же теперь жить, позвольте? Как снискать хлеб насущный? Почти все творческие перспективы оказались закрыты. Родители смущенно рекомендовали вакансию рабочего сцены в том же театре. Пришлось согласиться.

Но, стоит заметить, было у Куприянова еще одно хобби, значащее для него гораздо больше, нежели простое увлечение. Еще когда ему исполнилось лет десять—одиннадцать, брат отца подарил своему маленькому племяннику фотоаппарат. Мальчишка быстро насобачился обращаться с подарком, фотографии у него получались и в самом деле неплохие. Четкие, яркие, интересные по ракурсу, иногда довольно необычные. Он умел и любил фотографировать людей. С тех пор у него сменился не один фотоаппарат, модели менялись на более новые и современные, становясь все чувствительнее к цвету и свету. Став студентом театрального факультета, Куприянов забросил фотографию, требующую немало времени и полной самоотдачи. Теперь же, после отчисления, он мог позволить себе такую роскошь – не выпускать

фотоаппарата из рук. Он снимал актеров, его работы нравились, о нем заговорили. Слух о новом талантливом фотографe докатился до директора театра. Тот подержал в руках несколько портретов собственных подчиненных и, рассмотрев их как следует, обрадовался. Давно пора было сменить в фойе портреты актеров – десять лет висят, кого и нет уже, кто состарился до неузнаваемости, и новых много прибыло... Даниил с энтузиазмом принялся за работу и выполнил ее ко всеобщему удовольствию. Довольны были актеры – в руках и глазах Куприянова таилось что-то, позволявшее ему переносить на чувствительную кодаковскую пленку прежде всего достоинства внешности, подчеркивать лучшие ее черты, а в худших находить изюминку. Доволен был директор – портреты могли бы влететь ему в кругленькую сумму, а начинающий фотограф радовался скромному гонорару. Впрочем, скоро о талантливом парнишке узнал директор другого театра, драматического. Он тоже возжелал по дешевке сменить портреты в фойе, но Куприянов на этот раз был начеку и заломил цену. Портреты ему все равно заказали, гонорар показался смешным по сравнению с гонораром профессионального фотографа.

Вот она, жизнь-то, вот они, легкие денежки! Какое счастье, что у Даниила Куприянова оказался все же талант, а то хоть ложись да помирай. Одно неприятно – театров в городе больше не было. Нет, еще кукольный был, но там в фойе предпочитали вешать почему-то кукол, а не портреты актеров. Деньги у Куприянова быстро кончились, к тому же на него были обижены собратья по фотографическому цеху. Знаковых фотохудожников в миллионном городе насчитывалось немного, – провинция не очень-то располагает к богемным занятиям. Но те, что были, по праву могли считаться монстрами от фотографии. Три столпа фотоискусства – Тополев, Кузьев и Шелестов. Самый известный и пожилой, Тополев, человек тонкой духовной организации, меньше всех обижался на новичка. Тополев слыл пейзажистом, рыбаком, философом и вдохновенным пьяницей. Кузьев специализировался на обнаженке – никто не умел столь чувственно и проникновенно передать на снимке изгибы женского тела, дерзость разбросанных по красному атласу волос, этакую необузданную и вместе с тем предусмотрительно обрамленную рамками филистерской деликатности страсть. Фотограф Кузьев всегда требовал от моделей «обнажения души», нравоучительно читая хихикающим девицам стишок из Серебряного века о танцовщице, которая сначала снимает с себя платье, потом – плоть, и остается перед зевачами одно ее пылающее неугасимым огнем естество. Только вот имя автора он никогда не мог вспомнить... Вероятно, и не было никакого поэта Серебряного века, а стишок написал сам Кузьев.

Впрочем, вел он себя с моделями весьма скромно – тому способствовала небольшая особенность студии. Прямо под ней располагалась непосредственно квартира Кузьева, в которой, кроме него самого, проживала еще супруга, эффектная дама Галина, бывшая фотомодель Гала, между прочим. Эта достойная особа занимала теперь свободное время исключительно выращиванием фиалок и дрессировкой мужа. Галина сама в свое время потеряла голову в студии любителя «ню», после съемки, чтения стихов и бутылки рислинга. Но, будучи девушкой разумной, вовремя опомнилась, сокрушительной атакой женила на себе Кузьева и принялась яростно следить за его нравственностью. Теперь, помимо обычной проблемы в лице ревнивой жены, Кузьев огреб еще одну – молодого талантливого конкурента. Вот уж ему заказали делать портреты актеров, а потом, глядишь, и модели к нему переметнутся за портфолио!

Больше всего же был обижен Алексей Шелестов, прозванный за исключительное, феерическое, ослепительное уродство Смертный Грех. Во-первых, его уникальность меркла и бледнела рядом с красотой новичка. А ведь с ним приходилось то и дело сталкиваться на выставках! Во-вторых, Алексей был художником-декоратором нескольких спектаклей и рассчитывал, что халтурку дадут ему – так полагалось по ранжиру. Но самый обиженный и поступил умнее всех. Он решил подружиться с Куприяновым и разделить сферы влияния.

Провинциальный город ценил своих художников. В местном Доме искусств то и дело организовывались выставки. На одной из них Шелестов сам подошел к Куприянову и завел

с ним разговор. Даниил очень обрадовался. Его пугало настороженное отношение собратьев по цеху. Шелестов предложил Дане помощь в устройстве студии, дал пару-тройку дельных советов и вообще обласкал. Посетители с удивлением оглядывались на эту парочку – огромный, уродливый, мрачный Смертный Грех с неровным бритым черепом, рябым лицом, глубоко посаженными глазами и красавчик Даня Куприянов.

Через год после своего театрально-фотографического дебюта Даниил-Архангел уже мог похвастаться своими успехами. У него была благоустроенная студия в центре города, в помещении престижного экономического института, обширная клиентура, неплохие заработки и несколько очень престижных заказов. Например, на пару с Шелестовым оформил альбом «Наш прекрасный край», огромное, дорогое и бесполезное издание, дань амбициям губернатора этого самого прекрасного края.

Но Архангел не хвастался своими успехами. Он понимал, что сделано очень мало. Он даже не мог позволить себе снимать квартиру – его денег хватило бы только на жалкую конуру, жить в такой – только испортить репутацию. Творческая и денежная профессия не обманула его, он занимался любимым делом и получал дивиденды – финансовые и моральные. Но квартирный вопрос стал его пунктиком. В однокомнатной квартире, где он жил с двумя родителями, стало невыносимо после того, как отец и мать вышли на пенсию. Мама целыми днями тарахтела швейной машинкой и погромыхивала посудой, отец располагался у окна рисовать свои бездарные акварели. Он, видите ли, много лет мечтал отдалиться любимому делу! Даня попробовал и жить в студии, но не получил одобрения со стороны институтского начальства. К тому же в студии не было ни ванны, ни холодильника, ни плиты, в конце концов! А Куприянов любил понежиться в благоуханной пене, и добрую домашнюю кухню тоже уважал, и аккуратную, вычищенную мамой плиту, на голубом цветке которой румяно поджаривалось в панировочке его любимое куриное филе, очень ценил. Следовало искать приюта, своей ниши не только в профессиональной, но и в личной сфере. Пора было задуматься о собственном домашнем очаге.

В этом состоянии поиска он и находился, когда Смертный Грех устроил его на работу в «Станислав», а Саша Геллер, суровая парка, вершащая чужие судьбы, привела в гости к Веронике.

Девушка Даниилу понравилась. Хотя, признаться, ждал он большего. Саша наболтала ему с три короба о «милой особе, страшно обаятельной, такая молодая и уже редактор журнала». Но красавчик Куприянов нетребовательно относился к девичьей красоте.

Бывает, люди удивляются: «Что она, такая эффектная, нашла в этом уроде?», «Чем такая серая мышка привлекла видного парня?». И упускают из виду, что красотой бывают озабочены люди, сами таким достоинством не обладающие и потому жаждущие самоутверждения на зыбкой почве внешних эффектов! Те же, кто не закомплексован из-за своей внешности, выбирают себе партнеров по другим критериям.

Вера была и правда миленькая, обаятельная, домашняя такая. И у нее огромная квартира в старом доме – то есть не стандартная коробка с отделениями-комнатами, а грамотно спланированный, с высокими потолками, просторным холлом, огромными окнами дом. Настоящий дом. А еще престижная работа, прилично оплачиваемая. В общем, эта девушка Куприянову вполне подходила. Пока не подвернулось ничего лучшего.

* * *

Они стали жить вместе, хотя изначально Вероника ничего подобного не планировала. Как-то раз Архангел заехал к ней на работу, попросил ключи: «Хочу сделать сюрприз». Вера ключи дала, второй комплект у нее, растеряши, хранился в ящике рабочего стола. Сюрпризом был ужин с шампанским и мидиями, которые Веронике не понравились. Ключи Данька не вер-

нул, а через неделю устроил еще один ужин с шампанским. На этот раз был повод – накануне вышел свежий номер «Станислава», на глянцевого обложке которого гордо красовалась, иного слова не подберешь, фоторабота Даниила Куприянова. В фотоработе таилась какой-то сакральный смысл, как туманно объяснил Даня в троллейбусе. С фотографии, пытаясь подмигнуть, глядела скучная девица восточного типа – абсолютно голая. Ноги девицы были отчего-то облачены в тяжелые роликовые коньки. Место же, выбранное обнаженной роллершей то ли для отдыха после крутого спуска, то ли еще для чего, выглядело совсем уж странным и мрачноватым – какие-то ржавые трубы, куча хлама и ветоши на полу, тусклая лампочка в железной клетке.

– Я думаю, тебе не стоит объяснять смысл этой работы, – проникновенно заявил Даня. Свежий, благоухающий какой-то типографской химией журнал торжественно принесли домой и положили на стол. – Михееву она оч-чень понравилась, он недаром поставил ее на обложку, сказал, что и впредь...

– Отлично! – искренне обрадовалась Вера. Обрадовалась она и успеху Даниила, и тому, что ей не нужно было говорить о сакральном смысле голой девицы. Только она рано радовалась!

– Как бы ты назвала эту фотографию? – не унимался Куприянов.

В таких случаях нужно реагировать моментально, а то Данька обидится и закатит лекцию на полчаса – что, собственно, нужно было увидеть в этом культурном объекте и как его назвать.

– Шизофрения, – коротко ответила Вера.

– Почему?

– Видишь ли, эта девушка на роликах – она как мотылек. Готова в любой момент сорваться и полететь куда-то... А вместо этого она заперта в ужасном месте, среди каких-то труб, в которых никогда не зажурчит больше живая вода. Это и есть шизофрения. Настроение создает и лампочка под потолком. Свет человеческой души заперт в ржавую клетку болезни...

– Гениально! – прошептал Даниил в самом настоящем благоговении. – Как тонко ты все понимаешь!

Вера кротко улыбнулась. Еще бы ей «не понимать». Она ж филолог как-никак! Но на вопрос, понравилась ли ей эта болезненная фотография, она не смогла бы ответить положительно. Во всяком случае, Вероника не повесила бы ее на стену в собственной спальне. А это, как ни посмотри, серьезный критерий. Разве нет? Но Вероника не хотела обижать Куприянова. И тут же была вознаграждена за свою деликатность.

– Я хотел спросить – могу я перевезти к тебе кое-какие свои вещи? Рубашки, белье... А то по утрам...

– Конечно-конечно! – заторопилась Вероника. – По утрам тебе неудобно. Перевози, о чем речь.

На что согласилась Вера, сама того не зная? А вы как думаете? На гражданский брак, конечно. Вещь в современном мире обычная, но оттого не менее нелепая. Для мужчины она почти всегда значит «поживем вместе, потом расстанемся». Для женщины – «поживем вместе, потом поженимся». Из правил бывают исключения – иногда мужчины и женщины думают одинаково, но всегда оказывается в проигрыше тот, кто любит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.